DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.017
УДК 130.2:314.5:341.645.5:342.7

ПРОБЛЕМА ОДНОПОЛЫХ БРАКОВ — ОДИН ИЗ МНОГИХ ВЫЗОВОВ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ (КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ)

Л. А. Закс

Гуманитарный университет
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Статья является послесловием к опубликованным в данном номере «Койнона» статьям правоведов М. А. Краснова и А. П. Семитко. Опираясь на материал этих статей, автор предлагает культурологическое видение проблемы однополых браков. С его точки зрения, главное противоречие жизни современного человечества — это порожденное масштабными всесторонними радикальными изменениями социокультурного мира противоречие между прошлым и возникающим сегодня будущим. Между старым опытом, воплощенным в традициях, нормах, ценностях, ментальных матрицах и привычках культуры, — и новым, сегодня совершаемым опытом, радикально отличающимся от прошлого, формирующим новые представления, ценности, способы деятельности и человеческих отношений. Этот новый опыт несет еще не виданные перспективы обществу и человеку, но он же рождает и новую, пока не освоенную сложность, неопределенность будущего, часто непонятные и даже непредсказуемые риски и угрозы. Радикальная эволюция современного человечества, таким образом, каждый день рождает новые сложные вызовы обществу, культуре, человеку. Проблема однополых браков в указанном контексте оказывается одним из вызовов, рожденных ускоренной эволюцией и порожденным ею противоречием прошлого и будущего. Важное звено концепции статьи — констатация рожденного ускоренным развитием амбивалентного значения культурного прошлого. Оно воспринимается и реально работает, с одной стороны, как не соответствующее и потому не нужное настоящему и будущему, как препятствие развитию общества и человека, а с другой — в условиях неопределенности перспектив и рисков во многом непредсказуемой радикальной эволюции — оно же получает новую ценность как резервуар проверенного жизнью опыта (даже не всегда осознаваемого), как важный фактор самосохранения общества в его антропологической и социальной специфике, в его закономерных, проверенных на практике отношениях с природой. С этой точки зрения автор оценивает

© Закс Л. А., 2022

как заслуживающую внимательного отношения, полезную для нахождения оптимального решения сложной проблемы однополых браков умеренно консервативную позицию М. А. Краснова, чья апелляция к традиционным иудеохристианским морально-нравственным истокам права и на этой основе критическое отношение к однополым бракам взывает к спокойному взвешенному анализу их возможных последствий, пока практически неясных. Отвечая на этот имплицитный призыв Краснова и, с другой стороны, на верный антитезис А. П. Семитко об исторической изменчивости морально-нравственных оснований права, автор обозначает самую проблемную зону однополых семей: социализацию детей, в течение всей предыдущей истории человечества осуществлявшуюся разнополыми парами, чьи особенности и различия во многом определили воспроизводство фундаментальной антропологической специфики человека и человеческого рода. Поэтому и появление однополых родителей не может не быть антропологически существенно. Но как именно, об этом пока нет надежной информации. В итоге автор выделяет три важнейших аспекта вызова рассматривавшейся проблемы: вызов, требующий тщательного всестороннего анализа опыта однополых семей по социализации детей, адекватного постижения проблемы в ее сложности; вызов, требующий объединения усилий сторонников разных взглядов и подходов к проблеме и подлинного диалога между ними, цивилизованной дискуссии; вызов, требующий практического культуротворчества: нахождения и реализации способа оптимального решения проблемы в гармоническом единстве интересов личностей и общества.

Ключевые слова: проблема однополых браков, культурные основания права, главное противоречие современности, истоки гомофобии, умеренный консерватизм, антропологическое значение гетеросексуальных семей, социализация детей как проблемный центр однополых семей, однополые браки и семьи как вызов современной культуре.

Для цитирования: *Закс Л. А.* Проблема однополых браков — один из многих вызовов развивающегося общества современной культуре (культурологическое послесловие) // Koinon. 2022. Т. 3. № 2. С. 69–85. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.017

THE PROBLEM OF SAME-GENDER MARRIAGE AS ONE OF THE MANY CHALLENGES OF A DEVELOPING SOCIETY TO MODERN CULTURE (A CULTUROLOGICAL EPILOGUE)

L. A. Zaks
Liberal Arts University — University for Humanities
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: This paper is an afterword to the articles by legal scholars M. A. Krasnov and A. P. Semitko published in this volume of Koinon. Based on the materials from these works, the author suggests a culturological vision of same-sex marriage problem. In his view, the main controversy of contemporary man's life is the controversy between the past and the today-emerging future originated from large-scale comprehensive radical changes in the sociocultural world; between the old experience embedded in the traditions, norms, mental matrices, habits of culture and a new, currently gained experience that differs radically from the past and that forms new notions, values, modes of activities and human relationships. This new experience brings about yet-unseen perspectives for society and the individual but it also gives birth to a novel, yet-unutilized complexity, uncertainty of a future, often incomprehensible and even unpredictable risks and threats. The radical revolution of today's mankind, thus, creates new complex challenges to society, man, culture on a daily basis. The problem of same-sex marriages in the given context appears to be one of the challenges generated by an accelerated evolution and the contradiction between the past and the future produced by it. An essential link of the paper's concept is the reporting of an ambivalent significance of the cultural past generated by the accelerated development. On the one hand, it is perceived and works as inconsistent and therefore unnecessary for the present and the future, as an obstacle to the development of society and the individual. On the other, in the context of uncertain prospects and risks of largely unpredictable radical evolution, it acquires a new value as a reservoir of the life-tested experience, as an essential factor of society's self-preservation in its anthropological and social specificity, in its regular, proven-in-practice relations with nature. From this point of view, the author treats a moderately conservative stance of M.A. Krasnov whose appeal to the Judeo-Christian moral origins of law, and, based on this, a critical attitude to same-gender marriage calls for a calm, balanced analysis of their possible consequences that are currently unclear, as worthy of careful consideration and useful in finding the best solution to the complex problem of same-sex marriages. Responding to this implicit call of Krasnov and, on the other hand, to the right antithesis of A.P. Semitko about the historical changeability of moral foundations of law, the author defines the most problematic zone of same-sex families: the socialization of children which, throughout all the preceding history, has been implemented by different-sex couples whose specific features and distinctions have

largely determined the reproduction of the fundamental anthropological specificity of mankind and human race. That is why the emergence of same-sex parents cannot help being anthropologically essential. But there is a lack of reliable information about how exactly it is. Eventually, the author identifies three most significant aspects of the challenge posed by the problem under consideration: the challenge that requires thorough, comprehensive analysis of the experience obtained by same–gender families in the socialization of children; the challenge that requires joint efforts of proponents of different views and approaches to the problem and genuine dialogue between them, civilized discussion; the challenge that requires practical culture-making: finding and implementing a way to optimally solve the problem in a harmonious unity of the interests of individuals and society.

Keywords: the problem of same-sex marriage, cultural foundations of law, major contradiction of today, origins of homophobia, moderate conservatism, the anthropological significance of heterosexual families, the socialization of children as problem centre of same-sex families, same-gender marriages as a challenge to present-day culture.

For citation: Zaks, L. A. (2022), "The Problem of Same-Gender Marriages as One of the Many Challenges of a Developing Society to Modern Culture (A Culturological Epilogue)", *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 69–85 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.017

Цель моего послесловия отнюдь не в том, чтобы «объявить победителя», тем более не в том, чтобы поставить точку в журнальной дискуссии по теме, которая дискутируется сегодня не только в пределах науки, но и в пространстве мировой культуры, причем на самых разных ее (ментальных, ценностных, мировоззренческих) уровнях. Эту дискуссию отличает не только ее почти глобальный характер и поляризация основных позиций (так, буквально в те же часы, когда пишется этот текст, в Государственной думе РФ прозвучало новое предложение об ужесточении наказаний за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений [Госдума 2022], а, с другой стороны, журнал «Сноб» сообщил на своем сайте, что Национальная ассамблея (парламент) Кубы проголосовала за легитимацию однополых браков и право однополых пар на усыновление детей [Алиева 2022]. Дискуссию отличает также огромный эмоциональный накал, окрашивающий высказывания как тех, кто «за» (прежде всего, представителей ЛГБТ-меньшинств и поддерживающих их правозащитников), так и тех, кто «против» (сторонников «традиционных семейных ценностей»). Этот накал определяется не только личностной и одновременно социальной значимостью «предмета» дискуссии (брак и семья — универсальные человеческие институции и ценности, равно затрагивающие интересы и общее состояние индивидов и общества в целом), но и тем, что она касается сокровенных человеческих отношений, связанных с фундаментальными

естественными (биологическими), и социокультурными потребностями и глубочайшими, давным-давно закрепленными культурой архетипическими «паттернами», интимными ментальными матрицами и представлениями, по сути, всех без исключения людей. Вот почему проблема однополых браков и дискуссия о ней далеко выходит за рамки узко профессионального разговора ученых, юристов, управленцев и политиков, а становится достоянием массовой психологии современного «информированного» социума со всеми присущими ей особенностями.

Для культуролога же все это говорит об общекультурном характере и культурологическом содержании как проблемы, так и дискуссии. И замечательно то, что некоторые важные, на мой взгляд, аспекты их общекультурного характера и значения проявились и в публикуемых «Койноном» статьях Краснова и Семитко. Этим, собственно, и объясняется подключение культуролога к дискуссии двух уважаемых юристов. Но и обсуждать я буду именно и только культурологические аспекты дискуссии. Мне тут помогают сами авторы. Обсуждая решения ЕСПЧ (один — критикуя их, другой — поддерживая), они так или иначе выходят за пределы собственно вопросов юриспруденции (что для них служит дополнительным аргументом в пользу своей собственно правовой позиции).

Начинает, естественно, М. А. Краснов. Его взгляд на решения ЕСПЧ, не согласившегося с российскими судами, отказавшими однополым парам в признании их права на брак, включает существенный для автора *метаюридический* компонент. Мне кажется, я понимаю логику выхода М.А. во внеправовое пространство: ему важно показать, что ЕСПЧ в своем решении (поддержке права гомосексуальных пар создавать семью, а для этого вступать в брак друг с другом — что является признанным правовым условием создания семьи) руководствовался убеждением в «естественном» праве каждого человека распоряжаться своим телом по собственному усмотрению[1]. Но эта аксиома, по мнению М.А., не может в данном случае быть основанием юридического решения по данному вопросу. Она, с его точки зрения, противоречит историческому до- и экстраюридическому, а именно морально-нравственному основанию европейского права, истоком которого выступает иудеохристианская мораль[2]. Почему противоречит и, главное, в чем негативная значимость (тем более, опасность) однополых браков, М.А. не объясняет. На что ему справедливо

[1] А. П. Семитко (на мой взгляд, весьма убедительно) опровергает эту посылку М. А. Краснова, но в данном случае важна сама генетическая связь правового с метаправовым, находимым в культуре.

[2] Оппонент Краснова подчеркивает в данном случае в его позиции акцент прежде всего на факторе массового неприятия гомосексуальных отношений россиянами как его главном аргументе против решения ЕСПЧ. Но я, несомненно, за звучащим аргументом «большинства» все же вижу более важное для Краснова культурное основание несогласия с решением ЕСПЧ.

указывает (как на пробел в обосновании его позиции) А. П. Семитко. Действительно, в реакции М. А. Краснова явно доминирует эмоционально-ценностное восприятие, связанное с безусловным доверием-приятием традиции. Логично предположить, что эта традиция — ветхо- и новозаветное осуждение гомосексуальных отношений как своего рода этический базис, контур и горизонт-предел правовых подходов (хотя позиция самого М.А. фактически выходит за эти рамки, о чем речь впереди).

И тут А. П. Семитко, в целом ориентированный на чисто юридическую логику и, в частности, на презумпцию естественных прав человека и равноправия всех людей, независимо от их этнической, гендерной, социально-групповой и «сексуально-ориентационной» принадлежности, реагируя на только что артикулированный мной культурный «подтекст» аргументации М. А. Краснова, тоже ненадолго вступает на культурологическую территорию. И высказывает очень важную и для правовой культуры общую (можно сказать, культурфилософскую) идею (я ее сформулирую своими словами): культурные (в том числе морально-нравственные) основания права историчны и эволюционируют вместе со всей культурой. Держаться за старые «абсолюты» или превращать старые ценности и нормы в абсолюты — без каких-либо поправок на перемены — значит оставаться в плену ушедшей, давно не существующей реальности. Поскольку же преданность нормам прошлого носит характер эмоциональной привязанности, иррациональной веры и привычки, А.П. (не без оснований) характеризует такие представления, как предрассудки (так их называет и наука социальная психология). Именно с таких (культурно-эволюционных) позиций А. П. Семитко и поддерживает решения ЕСПЧ, тем более что в них, что признает и М. А. Краснов, ЕСПЧ сам отдает дань «фактору культуры»: он признает роль и власть традиций и отсюда разную готовность обществ разных стран к легитимации совместной жизни однополых пар. Но для ЕСПЧ, с чем согласен и А. П. Семитко, этот «фактор культуры», необходимость учета актуальных традиций и общественных настроений не отменяет требования защиты прав меньшинства. Отсюда и необходимость выработки таких форм совместности, какие будут обеспечивать баланс прав ЛГБТ-меньшинств и уровень готовности общества к такого рода совместности (мне кажется, что при всех возражениях и опасениях М. А. Краснова, ему тоже не будет трудно понять необходимость институционализации и легитимации однополых союзов, их организационной интеграции в современный социум).

Тут мое весьма краткое изложение «ситуации» (дискуссии наших авторов и ее «денотатов») позволяет «остановиться», чтобы зафиксировать ее проблемную культурологическую сущность, проявляющуюся как в правовой сфере, так и в социокультуре в целом. На время отвлечемся от проблемы однополых браков.

Человечество в конце XX и в XXI веке переживает не известные всей предыдущей его истории по масштабу, темпам и радикальности новизны перемены

практически во всех сферах жизни и аспектах обеспечивающей их культуры — от технологий промышленного производства до оснащения повседневного быта и досуга миллионов, от представлений о рождении и строении Вселенной, об устройстве и утилитарных свойствах вещества, энергии и информации до понимания строения, функций и ресурсов хромосом и мозга человека. Данность, вряд ли требующая дополнительного пояснения. В силу этого в нашем историческом «сейчас» (настоящем) максимально сблизились, практически сосуществуют прошлое и будущее — не только как «информация», абстракции или ценности, а как реальности, реальные модусы бытия. Как живая, владеющая умами, сердцами, помыслами, габитусами и поступками многих людей культура[3]. И это во многом принципиально разные, противоречащие друг другу реальности, которые, соответственно, выражаются принципиально разным сознанием. На мой взгляд, именно противоречие *радикально нового*, *представляющего будущее и ведущего в будущее социокультурного комплекса бытие/сознание* (условно назову это так, хотя можно назвать этот комплекс и одним словом: «культура») — и *традиционного, репрезентирующего и хранящего прошлое комплекса бытие/сознание* и является главным глобальным противоречием нашего времени. Противоречием и функционирования современного человечества и его развития. Противостояние-соперничество («борьба», как учила диалектика, и это слово в данном случае вполне может быть употреблено и без кавычек) старого и нового, традиций и инноваций проявляет себя в самых разных масштабах и формах. И что для нашей темы особенно важно, нередко затрагивает «предметы», казалось, раз и навсегда «данные», признанные как всеобщие и нормативные черты самой «сущности» человека — несмотря на все достижения науки, исторического мышления, культурно-эволюционистского сознания. Под натиском нового (в том числе и новых знаний о человеке, его биосоциокультурной природе, еще недавно казавшихся фантастикой технологических инноваций) утверждают себя непредставимые и немыслимые прежде элементы, структуры и функции культуры, неизвестные и казавшиеся доселе в принципе невозможными отношения природного («естественного») и культурного («искусственного») в самом человеке и всей совместной жизни людей. Другой стороной этого обновления становится отказ от многого, что вчера еще казалось неизменным, необходимым, тождественным «человеческому» и составлявшим его фундаментальные и одновременно уникальные, отличительные свойства. Так, сегодня утрачивают свою «незыблемость» и «уникальность» такие черты человеческого существа, как данные человеку

[3] Насчет жизни прошлого (более того, разных прошлых) в настоящем отсылаю читателей к глубокой концепции Э. Блоха, с которой можно познакомиться, например, по его статье, опубликованной в «Койноне» [Блох 2021]. Интересна и теория Райнхарта Козеллека о следах и слоях времени [Буллер 2022].

от рождения («от природы») набор внутренних органов и генофонд, биологический пол, способ продолжения рода (биологического воспроизводства), не говоря уже об особенностях индивидуального телосложения и внешнего облика. Сегодня под вопросом исключительность такого свойства человека, как сознание, а также его духовно-психосоматическая уникальность. На этом фоне уже достаточно исторически продолжительная и «плавная» легитимация гомосексуальности и гомосексуальных отношений и в целом ЛГБТ-особей («меньшинств») уже не кажется «авангардной», «передовой», хотя все равно рассматривается как необходимая черта социокультурного прогресса. В этом отношении она сравнима с продолжающейся эмансипацией женщин — и, так же как эта последняя, встречает на своем пути всевозможные препятствия, включая открытое сопротивление достаточно широкого круга людей, в том числе и наделенных властными полномочиями.

Истоки этого сопротивления коренятся в очень давних и глубоких традициях, ценностных представлениях, верованиях в коллективном бессознательном, освященном великими культурными текстами, обычаями и ритуалами прошлого. А непосредственные основания-мотивы неприятия гомосексуальности (как и, кстати, многих других «отклонений» от сакрализованных и ставших привычкой по своему генезису и характеру культурно-психологических ценностей-норм — этнических, социально-групповых, гендерных, даже культурно- и индивидуально-стилевых) — весьма разные. Сегодня самыми главными в своей негативной роли, агрессивной нетолерантности кажутся мне такие: *фундаментализм* — догматический традиционализм, экстремальный консерватизм; агрессивное иррациональное *неприятие всего иного* исключительно в силу его непохожести на свое, а потому чужого как *чуждого и враждебного*; *ресентимент* как злобная «темная» обида и мстительная зависть к другим, замешанные на собственной ограниченности обиженных завистников, на их материальной, душевной и духовной бедности, на внутреннем рабстве (свободный в своей нетрадиционности гей в этом случае вызывает у культурно ограниченного гетеросексуала такую же враждебную злобную обиду-зависть-ненависть, как удачливый богатый бизнесмен — у бедняка, гениальный творец — у соблюдающей правила, но бесплодной посредственности, вызывающая массовый восторг и счастливая в личной жизни красавица — у дурнушки или несчастной старой девы, что когда-то остроумно подметил Хулио Хуренито в романе И. Эренбурга). Все эти варианты (нередкие, увы, в наших палестинах) объединяются иррациональностью, агрессивностью, неспособностью и нежеланием понимания даже самой возможности, тем более правомерности *иного* и диалога с ним. Обида, оскорбленность, чувство угрозы со стороны иного, острая и в своей неосмысленности (=иррациональности) равная инстинкту потребность снять эту (так и не понятую в своем *ином* существе) угрозу и, наконец, спонтанное видение естественным и потому наиболее

верным и желанным способом снятия этой угрозы *насилие* по отношению к источнику угрозы (отклонению от нормы) — это обычный и часто массовый психический комплекс, воплощающий неприятие и программирующий, грубо скажу, оголтелую примитивную («не пущать!») социоповеденческую реакцию, далекую от норм современной цивилизации (диалог, толерантность, уважение к правам людей и их особенностям).

Но ведь позиция М. А. Краснова и по форме, и по существу совсем иная! Прочитавшие его статью убедятся, что в ней нет гомофобии (что корреспондирует — в плане общих оснований дискурса М.А. — с его либеральным контекстом и посылками[4]). М. А. Краснов не оспаривает не только реальность гомосексуальности, но и права на гомосексуальные отношения. Но эти отношения — одно, а брак и семья — совсем другое. Выступая против гомосексуальных браков и даже против других форм гомосексуальных союзов, исходя из предписаний христианской морали, М.А. при этом (пусть и имлицитно) учитывает то существенное обстоятельство, что для реализации гомосексуальных отношений (как и, кстати, гетеросексуальных) брак и семья совсем не обязательны.

Для меня очевидно, что статья М. А. Краснова выражает — и выражает не только в высшей степени корректно по отношению к оспариваемой им позиции ЕСПЧ, но и, я бы сказал, проникновенно, с искренней озабоченностью — позицию, которую я бы назвал позицией умеренного просвещенного консерватизма: не оголтелого, не ожесточенного в своем отношении к новизне, внимательного к ее, новизны, «аргументам», но убежденного в непреходящей ценности защищаемых им традиционных представлений и ценностей и именно озабоченного видимыми с его позиций рисками для цементирующей совместную жизнь людей и сохраняющей человеческое в человеке культуры, важнейшим компонентом которой является право.

И тут, во многом не соглашаясь с позицией М. А. Краснова и разделяя аргументы А. П. Семитко, я тем не менее ищу рациональное зерно в умеренном консерватизме Краснова, а потому меняю направление своих размышлений. Рискуя быть зачисленным в разряд консерваторов и врагов прогресса (что, вообще говоря, совсем не одно и то же), я предлагаю взглянуть на ситуацию современности — ситуацию «единства и борьбы» старого и нового и на ее проблемность с другой, возможно, «обратной» и даже противоположной, но, по-моему, весьма важной стороны.

---

[4] Неслучайно статья Краснова начинается с цитаты Ортеги-и-Гассета о либеральном значении права, а дискутируя с либертарианцами о соотношении права и нравственности, М.А. одобрительно отзывается об антитоталитарном характере их взглядов.

Пока эта сторона чаще обсуждается с позиций испуганных «антипрогрессистов», в восприятии которых в будущем нас ждет «конец человека», крах человечества — новый апокалипсис, к которому приводит именно прогресс (для левых — прогресс в условиях капитализма, для верующих — прогресс в условиях секуляризации). Так думают не только европейские обыватели, трамписты в США, но и некоторые профессиональные философы (такова, например, точка зрения нижегородского философа В. А. Кутырёва, одна из многочисленных, скорбных насчет нашего будущего публикаций которого имеет мрачное, полное безысходности название «Последнее целование» [Кутырёв 2015]).

Но и более оптимистически настроенные мыслители, говоря не только о будущем, но и о настоящем, не зря ключевыми концептами сделали такие понятия, как «неопределенность», «риск», «сложность» (см., например, [Бек 2000; Асмолов 2016; Гидденс 2011]. Причем эти концепты семантически распространяются не только на сферу освоения природы, но и на сферы самоорганизации общества, человеческих отношений и внутреннего мира людей. Представления о неопределенности, а значит, непредсказуемости и, в неменьшей степени, рискованности, опасности, возможно, даже катастрофичности уже недалекого будущего растут из двух особенностей социокультурного развития: во-первых, из уже очевидных в своем негативном значении его результатов, не только возможных в принципе, но и уже наличествующих (экологические проблемы, включая глобальное потепление; зримые рискованные перспективы экспериментов в сфере генетики человека; прогресс в работах по искусственному интеллекту и по управлению мозгом и психикой людей и многое другое); во-вторых, из радикального характера и быстрых темпов перемен, что предвещает реальную возможность пока не предсказуемой нами, но опасной в своей новизне будущей реальности. И эти риски требуют трезвого, взвешенного, я бы сказал, весьма аккуратного и осторожного отношения к возможным вариантам развития, к выбору его направлений, процессов и результатов, к учету социально-организационных и духовно-психологических предпосылок и последствий технико-технологического развития.

Но проблемность будущего и сложность реального движения к «потребному будущему» (Н. А. Бернштейн) заставляют с новой практической заинтересованностью, «по-хозяйски» задуматься и осмыслить огромный запас накопленного культурой опыта, включая давний, проверенный многовековой практикой и давно функционирующий как бессознательный автоматизм. Наличие оголтелых традиционалистов-фундаменталистов, не желающих ничего менять и всякую новизну принимающих в штыки, в любой инновации видящих угрозу личной и мировой гармонии, отнюдь не означает безупречности любых инноваций и порочности (устарелости, ненужности) всяких традиций только потому, что они «родом из прошлого».

Именно в этом контексте я воспринимаю позицию М. А. Краснова, и она, мне кажется, заслуживает самого серьезного и, снова повторю, практичного отношения. Да, М.А., как уже сказано, предметно не конкретизировал свои опасения насчет гомосексуальных браков и семей. И авторитетные инстанции, на тексты, убеждения и нормы которых опираются его собственные взгляды, тоже работают в религиозно-моральных дискурсах, трактуя гомосексуальные отношения как греховные, даже порочные, в сущности, исключительно априорно-оценочно, исходя из (будто бы) известной позиции (системы моральных ценностей) высшей и абсолютной в своей истинности, благости, добре и нравственной чистоте инстанции. Ее сущность и «статус» в рамках данного типа дискурса отменяет необходимость в утилитарно-практических, шире — рациональных, доказательствах тех или иных максим, предписаний и запретов. Тут «необходима и достаточна» вера в эту инстанцию, преданность и послушание, из этой веры исходящие. Почему нельзя есть свинину и варить козленка в молоке его матери, религиозная традиция не объясняет.

Для светской культуры, и в частности для науки, такой веры недостаточно. Ей нужны жизненно-практические основания, понимание пользы или вреда, а говоря языком современного знания о культуре — адаптивных и социоантропоразвивающих достоинств (эффектов) или недостатков (дефектов) любого явления культуры, любого ее позитивного предписания или запрета. Так, некоторые безусловные для определенных религий запреты со временем раскрывают свою историчность, относительность и практическую безвредность — и светская культура преодолевает эти запреты, утверждает их добровольно-факультативный характер (многие израильтяне и жители арабских стран, например, употребляют в пищу свинину, несмотря на религиозное табу на сей счет).

В то же время история культуры накопила примеры, можно сказать, универсальных, или всеобщих, культурных норм, выработанных еще на заре человеческого рода и до сих пор сохраняющих свою императивную силу. Так, по мнению А. Л. Крёбера, общими нормами для всех народов (культур) являются осуждение убийства, кровосмешения, присвоения чужой собственности, обмана, негостеприимства [Kroeber 1910]. Несколько иной список универсальных для всех культур норм предлагал другой известный антрополог, Дж. П. Мёрдок. Это чистота, разделение труда, ритуалы приветствия и траура, те или иные пищевые запреты [Murdock 1945]. Сейчас для моих размышлений важно то, что в этих разных списках часть норм имеет понятные, вполне рациональные жизненно-практические основания, которые в последующие после зарождения этих норм времена получили не только практическое подтверждение, но и научное (как естественнонаучное, так и социогуманитарное) объяснение (начиная с запрета на убийство и кончая чистотой и гостеприимством). Однако ряд универсалий до сих пор работают

в культуре, не имея однозначного или доказательного рационального объяснения. Таковы уже названные пищевые запреты. Таков и древнейший, по-видимому, в мировой культуре универсальный запрет на инцест (при наличии многих объясняющих версий-гипотез). Означает ли отсутствие объяснения (ответа на вопрос «почему так?»), а также «отдельные» факты безболезненного нарушения этого табу, что пора попробовать на практике отказаться от него? Отсутствие ответов не означает отсутствия вопросов — оно означает существование проблемы!

У нас есть серьезные основания современную ситуацию встречи и противоречий старого и нового, традиций (в том числе запретов) и отказов от них рассматривать как очень важную для нашего общечеловеческого будущего *проблемную зону*. Зону, требующую рационального критико-аналитического взгляда на все стороны проблемы, декартовского сомнения не только в старом, но и в оспаривающем его новом, не только в кажущихся иррациональными давних верованиях, но и в рациональных на вид и совсем свежих уверенностях. Позиция М. А. Краснова — позиция оглядки на до конца не осознаваемый в своих основаниях, но проверенный жизнью опыт — актуализирует эту проблемность для серьезного, ответственного за судьбы следующих поколений сознания. Она сродни народной мудрости, что сначала надо семь раз отмерить. Разумеется, вместе с позицией защищающих права человека ЕСПЧ и А. П. Семитко.

Попробую коротко эксплицировать эту проблему, или проблемность вопроса: какие угрозы может таить реализация индивидуальной потребности некоторых людей создать однополую семью?

Вышеупомянутый А. Л. Крёбер антропологическую универсальность некоторых норм объяснял инстинктами, присущими всем людям. Но уже такие антропологи-культурологи, как Б. Малиновский и К. Клакхон, рассматривали культуру, прежде всего, как «искусственные» (внебиологического происхождения) ответы на природные (биологические) потребности человека [Малиновский 2000; Kluckhohn 1953]. Сегодня мы понимаем, что потребность людей в институте брака и семьи имеет социокультурную, а отнюдь не биоинстинктивную природу и связана с рядом «надбиологических» необходимостей: экономической, необходимостью не только (и не столько) биологического, но и социокультурного производства (социализации/инкультурации) потомства, а также, в немалой степени, с тонкими потребностями духовно-психического мира людей в душевно близкой, сочувственно-отзывчивой среде. Именно в свете этих необходимостей и должны быть оценены однополые брак и семья.

В *экономическом плане* я тут не вижу никаких особых проблем ни в аспекте материального обеспечения совместной жизни, ни в аспекте прав материального наследства. Наоборот, легитимация однополых брака и семьи обеспечивают названные материальные права.

В *плане удовлетворения психологических потребностей* однополых супругов проблем, думается, не больше, чем в отношениях супругов разнополых. Само вступление в брак и создание семьи сегодня, как правило, базируется именно и прежде всего на психологической близости партнеров, на отношениях любви, дружбы, взаимопонимания и взаимоподдержки. А иначе много удобней и выгодней внебрачные отношения, свободное партнерство в сексе и других сферах жизни. Но и в брачной жизни сегодня весьма распространен вариант формальных отношений, свободы от сексуальных и психологических обязательств, отсутствие даже запроса супругов на эмпатию (что, безусловно, свидетельствует о кризисе конкретного брачного союза и брачных отношений в целом). И это отнюдь не проблема гомо- или гетеросексуальных основ брака.

Проблемы начинаются в следующем пункте: *дети*. Это, на мой взгляд, и есть самая социально проблемная сторона гомосексуальных браков. Многие их противники считают главной проблемой-угрозой таких браков демографический аспект: рост числа не способных производить потомство пар якобы наносит удар по численности населения (актуальнейший вопрос как для Европы, так и для России). Мне не кажется такая постановка вопроса правомерной. Во-первых, гомосексуальные пары и, соответственно, однополые браки/семьи (даже при условии их повсеместной легитимации) составляют и будут составлять незначительное меньшинство соответствующих общностей и не могут существенно влиять на демографическую ситуацию. Во-вторых, многие гомосексуальные пары потому и стремятся вступить в брак и создать семью, что как раз хотят иметь детей, что в современных условиях и для них вполне несложная задача. Это не требует особых разъяснений. Но тут-то и возникает, на мой взгляд, главная реальная проблема — проблема социализации детей у однополых родителей.

Важнейшая задача культуры — ее самотрансляция и самовоспроизводство в детях, в их природном (биологическом) соматико-психическом, или психосоматическом, субстрате. Это один из важнейших для общества и каждого человека, тончайших и деликатнейших аспектов многосторонних отношений культуры с природой. И в этом сложнейшем процессе социализации/инкультурации ребенка, как, впрочем, и во множестве других осуществляемых людьми процессах (деятельностях), доминирующая роль — за культурой со всей ее спецификой. Но и без природных начал, сил и свойств дело не обходится. И если природные факторы играют важную роль во всех делах культуры (Мёрдок называет, например, смену дня и ночи, дождь, дыхание, деторождение, болезни и смерть; но это также и гравитация, и времена года и климат, и поглощаемые людьми вещества природы, и «звездное небо над нами» (Кант)… список можно длить бесконечно), а природа в целом была и остается неустранимым основанием культуры и (социо)культурного бытия людей, их

не только материалом, но и формо- и смыслообразующим законом, хронотопом, границей, практическим и духовным образцом и многогранной ценностью, то понятной становится исключительная роль природных особенностей тех, кто играет первичную и ведущую роль в формировании из ребенка человека культуры, как и роль соотношения и взаимодействия этих природных особенностей родителей с природными особенностями самого ребенка. Я написал «понятной», имея в виду общее, принципиальное представление об этой роли природного. Во всех же аспектах и деталях мы, даже при нынешнем уровне научных знаний, себе этого в полной мере как раз не представляем! Но и при этом уровне информированности можем уверенно сказать: люди, какими они становятся в процессе социализации/инкультурации, а через каждого из них и все человечество в целом, и то, что их всех объединяет — «*человеческое*» во всей своей конкретике, — «получаются» такими, а не иными, в том числе и потому, что в их биологическом и социокультурном становлении и формировании участвуют родители женского и мужского пола со своими биологическими возможностями, органами, силами и особенностями. Материнские грудь и улыбка, отцовский голос и мужественная энергетика, тембры их от природы разных голосов и разные ощутимые телом ребенка качества прикосновения мужских и женских рук и т. д. — все это и тому подобное создало и создает человека, каким мы его знаем. Именно поэтому отсутствие живой любящей матери и безотцовщина давно стали маркерами трагической патологии социализации и вестником-предзнаменованием несчастной судьбы. Два идеальных отца не могут заменить растущему ребенку одной матери. Так же, как две прекрасные любящие матери не заменят ребенку обоих полов одного отца. Даже первые конфликты, психологические драмы в отношениях детей и родителей, как показал Фрейд, важны биологическими и социокультурными (гендерными) отличиями родителей и имеют фундаментальное влияние на характер, психику и сознание взрослеющего ребенка и будущего взрослого. Так устроены люди и человеческий род в целом.

В свете сказанного приходится признать, что замена разнополых родителей на однополых (как и утрата одного из разнополых родителей) *антропологически существенна*. В этом сомнений нет. Но для выводов о том, к каким социокультурным и психологическим, антропологическим в целом изменениям приведет эта замена, достаточных данных нет. Есть неопределенность. Есть вопрос-проблема. И определенная доля риска получить нежелательные изменения, хотя в каких отношениях нежелательные, сказать тоже пока трудно, если не невозможно. Не исключается и противоположный вариант: изменений без негативных последствий. Ну, и третий вполне возможен: как часто бывает в жизни и развитии, изменения могут дать сочетание обретений и потерь, позитивного и негативного. В любом случае проблема однополых браков — одна из многих, какие ставит перед современным обществом его

эволюция. Как и другие, эта проблема — примета возрастающей сложности социокультурного мира, один из многих вызовов современной культуре как специфическому для людей способу решения любых проблем.

Если быть точнее, это вызов сразу нескольким аспектам культуры.

Во-первых, это вызов нашей способности постигать мир в его сложности. Очевидно, что проблема нуждается в научном изучении, в накоплении и адекватном анализе необходимой информации. Старой, но и новой. Понятно, что безоговорочные тотальные запреты однополых браков не будут способствовать познанию их особенностей и социоантропологических последствий. Безоглядная же безразмерная свобода под эгидой равных прав для всех людей[5], на мой взгляд, будет забеганием вперед, «решением» до и без должных информационных оснований. Тут нужна здоровая мера, мудрая точность и осторожность в осуществлении, по сути, сложного, но общественно и личностно важного социального эксперимента (а таких в свете множества новых проблем и противоречий развития у нас впереди немало). Нужна понимающая чуткость к культурной (в том числе культурно-психологической) специфике и возможностям, готовностям разных обществ к такому эксперименту и такому нововведению, что ведь и ЕСПЧ имеет в виду.

Во-вторых, это вызов нашей способности к коллективному решению сложных вопросов. Способности к диалогу, к цивилизованному ведению дискуссии, к «сотворчеству понимающих» (М. М. Бахтин). Других способов, столь же плодотворных, ведущих в результате не только к практически полезному результату, но и к сплочению разных людей и групп, культура не знает. И в этом смысле мне кажется весьма достойным, не побоюсь сказать — образцовым способ выражения своего мнения и ведения дискуссии нашими уважаемыми авторами М. А. Красновым и А. П. Семитко.

В-третьих, это вызов нашей способности к практическому культуротворчеству (в данном конкретном случае — правовому институциональному творчеству). Потому что все противоречия и вызовы развития и сложности имеют в конце концов один социально необходимый и по-настоящему плодотворный результат: эффективное (и прагматически/утилитарно, и духовно; и для общества, и для личности; и для настоящего, и для будущего) практическое освоение-решение проблемы. Нахождение оптимального во всех отношениях

[5] Фактически, на деле у принципа равенства прав человека всегда есть конкретные ограничения, проистекающие из особенностей самих людей. Для реализации своего права/свободы выбора профессии человек должен обладать способностями к соответствующей деятельности: не каждый, имеющий формальное право выбрать профессию балерины или пианиста, может стать ими. Человек, склонный к подавлению других людей, не умеющий учитывать их интересы и считаться с их особенностями, не должен иметь возможность реализовать свое абстрактное право управлять другими. Педофил не может быть допущен к работе с детьми. И так далее.

способа такого решения и его реализация способными для такой задачи субъектами и институтами.

Верные ответы на все названные вызовы не могут и не должны быть делом некомпетентных обывателей, как и одиозно-тенденциозных идеологов, нечистоплотных политиков, недостаточно профессионально и общекультурно компетентных педагогов и, тем более, падких на скороспелые «сенсационные» выводы журналистов.

Сегодня я не знаю ответа на поставленные здесь вопросы. Но я разделяю уверенность одной мудрой героини Томаса Манна, что «человеческого понимания на все достанет».

Список литературы

Алиева 2022 — *Алиева Ф.* Парламент Кубы одобрил законопроект о легализации однополых браков [Электронный ресурс] // Сноб. 23.07.2022. URL: https://snob.ru/news/parlament-kuby-odobril-zakonoproekt-o-legalizacii-odnopolyh-brakov/ (дата обращения: 23.07.2022).

Асмолов 2016 — *Асмолов А. Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. М. : Федеральный институт развития образования, 2016. 24 с.

Бек 2000 — *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

Блох 2021 — *Блох Э.* Неодновременность и обязанность сделать ее диалектичной (май 1932 г.) / пер. с нем. С. Е. Вершинина // Koinon. 2021. Т. 2. № 3. С. 139–157. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.032.

Буллер 2022 — *Буллер А.* Следы и слои времени (со статьями Райнхарта Козеллека). М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2022. 208 с.

Гидденс 2011 — *Гидденс Э.* Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича ; вступ. ст. Т. А. Дмитриева. М. : Праксис, 2011. 352 с.

Госдума 2022 — В Госдуме предложили ужесточить наказание за пропаганду нетрадиционных отношений [Электронный ресурс] // Известия. 21.07.2022. URL: https://iz.ru/1368157/2022-07-21/v-gosdume-predlozhili-uzhestochit-nakazanie-za-propagandu-netraditcionnykh-otnoshenii (дата обращения: 22.07.2022).

Кутырёв 2015 — *Кутырёв В. А.* Последнее целование. Человек как традиция. СПб. : Алетейя, 2015. 312 с.

Малиновский 2000 — *Малиновский Б.* Научная теория культуры / пер. с англ. И. В. Утехина. М. : ОГИ, 2000. 208 с.

Kluckhohn 1953 — *Kluckhohn C.* Universal Categories of Culture // Antropology Today: An Encyclopedic Inventory / prepared under the Chairmanship of A. L. Kroeber. Chicago : University of Chicago Press, 1953. P. 507–523.

Kroeber 1910 — *Kroeber A. L.* The Morals of Uncivilized People // American Anthropologist. 1910. Vol. 12. No. 3. P. 437–447.

Murdock 1945 — *Murdock G. P.* The Common Denominator of Culture // The Science of Man in the World Crisis / ed. by R. Linton. New York : Columbia University Press, 1945. P. 123–142.

References

Alieva, F. (2022), “Cuban Parliament Approves Same-Sex Marriage Legalization Bill”, *Snob*, available at: https://snob.ru/news/parlament-kuby-odobril-zakonoproekt-o-legalizacii-odnopolyh-brakov/ (accessed 23 July 2022) (in Russian).

Asmolov, A. G. (2016), *Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya* [Psychology of Modernity: Challenges of Uncertainty, Complexity, and Diversity], Federal'nyi institut razvitiya obrazovaniya, Moscow, 24 p. (in Russian).

Beck, U. (2000), *Risikogesellschaft: auf dem Weg in eine andere Moderne*, translated by Sedel'nik, V. and Fedorova, N., Progress-Traditsiya, Moscow, 383 p. (in Russian).

Bloch, E. (2021), "Ungleichzeitigkeit und Pflicht zu ihrer Dialektik", translated by Vershinin, S. E., *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 139–157 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.032.

Buller, A. (2022), *Sledy i sloi vremeni (so stat'yami Rainkharta Kozelleka)* [Traces and layers of time (with articles by Reinhart Koselleck)], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, Saint-Petersburg, 208 p. (in Russian).

Giddens, A. (2011), *The Consequences of Modernity*, translated by Olkhovikov, G. K. and Kibalchich, D. A., Praksis, Moscow, 352 p. (in Russian).

Kluckhohn, C. (1953), "Universal Categories of Culture", in Kroeber, A. L. (ed.), *Anthropology Today: An Encyclopedic Inventory,* University of Chicago Press, Chicago, pp. 507–523.

Kroeber, A. L. (1910), "The Morals of Uncivilized People", *American Anthropologist*, vol. 12, no. 3, pp. 437–447.

Kutyrev, V. A. (2015), *Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiya* [The Last Kiss. Man as a Tradition], Aleteiya, Saint-Petersburg, 312 p. (in Russian).

Malinowski, B. (2000), *A Scientific Theory of Culture*, translated by Utekhina, I. V., OGI, Moscow, 208 p. (in Russian).

Murdock, G. P. (1945), "The Common Denominator of Culture", in Linton, R. (ed.), *The Science of Man in the World Crisis*, Columbia University Press, New York, pp. 123–142.

"The State Duma proposed to Toughen Penalties for Propaganda of Non-traditional Relationships" (2022), *Izvestiya*, available at: https://iz.ru/1368157/2022-07-21/v-gosdume-predlozhili-uzhestochit-nakazanie-za-propagandu-netraditcionnykh-otnoshenii (accessed 22 July 2022) (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 25.07.2022
Принята к публикации / Accepted: 1.08.2022

Информация об авторе

Закс Лев Абрамович
доктор философских наук, профессор
Гуманитарный университет
620049, Россия, Екатеринбург,
ул. Студенческая, 19
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: rector@guniver.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-1219-3404

Information about author

Zaks, Lev Abramovich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Liberal Arts University — University for Humanities
19 Studencheskaya St., Yekaterinburg, 620049 Russia
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: rector@guniver.ru
Author's ORCID: 0000-0003-1219-3404